

Вэй Нин просматривал ленту Хэ Яня за последние полмесяца и едва сдерживался, чтобы не расхохотаться в голос — он всерьез опасался, что у него просто отвалится челюсть.

Ну что за мужчина-загадка этот Хэ-шэнь? Как в одном человеке может ужиться такой ледяной образ и подобное... содержание? Разрыв шаблона был просто катастрофическим.

Разумеется, Вэй Нин бесновался только внутренне. Смеяться в лицо Капитану Хэ он бы ни за что не рискнул.

Хэ Янь же, ознакомившись с «Моментами» Вэй Нина, лишь сухо бросил:

— С виду ты парень ветреный, а в соцсетях строишь из себя глубоко ранимую натуру. Ты ведь говорил, что ни с кем не встречался?

Вэй Нин ответил с предельно честным видом:

— Это всё — послания моей будущей родственной душе. Каждое из них отражает мои чувства и настроение на разных этапах жизни.

— Тогда тебе не стоит выставлять это на всеобщее обозрение, — невозмутимо поучал Хэ Янь. — Ставь статус «Видно только мне», а когда найдешь вторую половинку — открой доступ. Тогда эти застывшие мгновения станут вашим эксклюзивным общим воспоминанием.

Вэй Нин молча смотрел на него, не зная, что и сказать. Хэ Янь с абсолютной серьезностью разъяснял ему функционал соцсетей, и теперь Вэй Нину стало окончательно ясно, почему у того нет девушки. Титановый натурал-традиционалист просто не создан для любви. Природа наделила его идеальными данными, а он распоряжается ими как заправский сухарь.

Он усмехнулся:

— С вашего позволения, Капитан, вы могли бы просто их не читать.

В этот момент Сю Лэй притормозил и обернулся:

— Подъезжаем. Дорога Желтых источников.

Хэ Янь осекся. Название улицы звучало, мягко говоря, зловеще — словно их привезли прямиком в преисподнюю.

— Что ж... спасибо, что подбросили, — Вэй Нин открыл дверь, но перед тем как выйти, внезапно придвинулся к самому уху Хэ Яня и прошептал: — Насчет твоей сестры — у нас всё

чисто. Тот «чмок»... Ну, телефон-то был у тебя в руках, помнишь? Так что...

Прежде чем Хэ Янь успел хоть как-то отреагировать, Вэй Нин уже захлопнул дверь и зашагал прочь, на ходу небрежно бросив через плечо прощальный жест.

Хэ Янь проводил его взглядом, хмыкнул и снова вернулся к изучению его страницы.

«6 июля. Скоро Циси, Праздник влюбленных. Я еще не решил, что подарю себе, но подарок для тебя уже готов».

«7 июля. Жду тебя на Сорочьем мосту. Плюсы свидания: оно состоится. Минусы: со мной».

«9 июля. У друга несчастная любовь. Прибежал ко мне, рыдал навзрыд. Я послушал его историю и зарыдал еще громче — бедняга так перепугался, что сбежал. А я просто яблоко чистил и палец порезал. Больно же, черт возьми».

«15 июля. Очередной день на подножном корме. Подозреваю, что ты сейчас тоже питаешься одним лишь святым духом».

«20 июля. Любовь — это прах, игры — это жизнь. Я еще готов сражаться».

Вернувшись домой, Вэй Нин первым делом рухнул на диван. События дня казались нереальными, словно затянувшийся галлюциноз. Он выудил из сумки банковскую карту и принялся вертеть её перед лампой, рассматривая на просвет. Больше всего он боялся, что наваждение рассеется, и кусок пластика превратится в обычный древесный листок.

Минут через пять он наконец успокоился, ухмыльнулся и спрятал карту в кошелек.

Сначала он хотел поискать клининговую компанию в интернете, но вовремя спохватился — в этой сфере сейчас черт знает что творится. То на неадекватных нарвешься, то на воришек. Хэ Янь доверил ему такое важное дело, облажаться нельзя.

Немного подумав, Вэй Нин решил прибегнуть к помощи «тяжелой артиллерии» — звонку матери.

Едва он набрал номер, как вызов тут же сбросили. Повторил — снова сброс. На третий раз трубку всё же сняли, и в уши ударил раздраженный голос госпожи Ли Мэйли:

— Девушка, я ничего не выигрывала, квартиру уже купила, страховых полисов у меня штук

двадцать, и в ваших бадах я не нуждаюсь!

Вэй Нин прикрыл глаза рукой. Маму явно доконали телефонные спамеры.

— Мам, это я!

— Что?! — не унималась мать. — Вы уже и до этого докатились? У меня не может быть сына-впаривателя! Прощайте!

— Мама! Очнись, это Вэй Нин!

На той стороне воцарилось молчание. Наконец Ли Мэйли выдохнула:

— Ой. А чего ты с чужого номера звонишь?

— Я номер не менял, он у меня один-единственный. Мам, с тобой всё в порядке? — обеспокоенно спросил он.

— Да я телефон сменила, — слышался хлопок (видимо, мать хлопнула себя по лбу), — не успела контакты перенести. Сынок, чего это ты вдруг вспомнил про мать? Давно по шее не получал, кожа зачесалась?

«...» — Вэй Нин на мгновение усомнился, что это его родная мать. Может, его в супермаркете по акции выдали — купи один лоток яиц, десять сыновей в подарок?

— Мам, ну прояви хоть каплю нежности, — заканючил он.

— Ты посмотри на него, будто моя материнская любовь на дороге валяется, — рассмеялась она.
— Ладно, сокровище мое, я соскучилась.

Вот это уже было похоже на правду. Вэй Нин тоже заулыбался:

— Я тоже скучаю, мам.

— Ты там совсем один, замаялся, небось. Когда приедешь пообедать? Хочу посмотреть, во что ты превратился — в щепку или в кабанчика.

— Завтра в обед и приеду, — на сердце у Вэй Нина потеплело. Нет ничего лучше маминой заботы.

В следующую секунду из трубки донесся зычный крик:

— Лао Вэй! Сын завтра придет обедать. Вчерашние объедки не выбрасывай, пригодятся!

Вэй Нин: «???»

Он молча повесил трубку. Когда его мама была не в духе, она использовала его в качестве боксерской груши, но в «мирное» время она обычно была само воплощение нежности и тепла. Та женщина, что только что говорила про объедки, явно была самозванкой.

О-о-о... За что мне такая жизнь.

На следующий день Вэй Нин заявился к родителям в состоянии крайней степени изнеможения — проворочался всю ночь, обдумывая планы на будущее, и теперь щеголял заметными тенями под глазами.

Мать открыла дверь и тут же стиснула его в объятиях. От вчерашней резкости не осталось и следа. Почувствовав родное тепло, Вэй Нин невольно шмыгнул носом.

— Мам, я дома, — глухо пробормотал он.

Она похлопала его по спине и кивнула:

— Паршивец, целый месяц носа не казал.

— Зато отдохнула от меня, — попытался отшутиться он.

Мать впустила его в квартиру:

— Отдохнуть-то отдохнула, да всё равно чего-то не хватало.

— Груши для отработки ударов?

Мать тут же вклепила ему звонкий подзатыльник:

— Вот же негодник! Тебя только за порог пусти — сразу на голову сядешь.

Он поморщился, потирая затылок:

— Мам! Ну ты же красавица, откуда такая сила в руках? Ты папу тоже кулаками в загс загоняла?

— Пфф! Твой отец по уши втрескался в мою юную красу и сам умолял выйти за него, — гордо вскинула подбородок Ли Мэйли.

Вэй Нин поспешно закивал:

— Да-да, как скажешь.

— Что за тон? — возмутилась мать. — Слишком небрежно. Вот поэтому у тебя и девушки нет.

— Ой, да за мной толпы охотятся, — фыркнул Вэй Нин. — Просто я парень разборчивый, не каждого к сердцу подпущу.

В этом они были истинными родственниками — самовлюбленность у них была семейной чертой.

Папа Вэй, не выдержав этого парада тщеславия, высунулся из кухни:

— Красота в труде познается. Кто-нибудь из вас, нарциссов, поможет мне чеснок почистить?

Разговор тут же прекратился. Вэй Нин зевнул и обессиленно рухнул на диван.

— Пап, у меня бессонница, руки-ноги не слушаются.

Мать пристроилась рядом и принялась нежно разминать ему поясницу, внезапно заговорив поставленным голосом диктора из рекламы:

— Проблемы с почками? Упадок сил после переутомления? Бессонница и чувство, будто тело опустело? Не беда! Выпей папиного чудо-снадобья, и твоя «батарея» снова зарядится!

—... — Вэй Нин подскочил как ошпаренный и рванул на кухню. — Пап, я лучше чеснок почищу.

Он плотно прикрыл дверь — теперь кухня стала территорией мужчин. Отец и сын обменялись короткими взглядами. Этого было достаточно, чтобы выразить всё, что они чувствовали.

Вэй Нин присел на корточки у миски с чесноком, а отец продолжал возиться с продуктами. Проходя мимо, он спросил:

— У тебя что-то случилось?

Рука Вэй Нина на миг замерла. Он качнул головой:

— Да нет, всё путем.

Отец присел рядом, внимательно вглядываясь в его лицо:

— А зачем ты глаза накрасил?

— Папа! — Он отвернулся, пряча взгляд.

Отец забрал у него дольку чеснока и, принявшись чистить её, спокойно произнес:

— Это хорошо, когда мужчина умеет держать удар в одиночку. Но не обязательно грызть землю самому. У тебя есть дом, есть мы. Если снаружи начнется настоящий шторм, помни — мы всегда тебя ждем.

У Вэй Нина в горле встал ком. Никакая обида не могла сравниться с этой простой и теплой поддержкой.

Он запрокинул голову, давая слезам впитаться, а затем честно выложил отцу всё о своих делах. Папа Вэй долго молчал.

— Ты и впрямь так любишь этот свой киберспорт? Готов угробить на него всю юность?

— Готов. Я этим живу, — голос Вэй Нина звучал твердо. — За этот год я прошел через всё: сомнения, метания, страх. Я пробовал другие дела, но теперь точно знаю, чего хочу. И сейчас у меня есть шанс, который я просто не имею права упустить.

Отец тихо вздохнул. Вэй Нин накрыл его ладонь своей:

— Папа, ты на моей стороне?

— А куда я денусь? — горько усмехнулся отец. — Ты уже взрослый лоб, не пороть же тебя. Хотя от этого у меня не только рука, но и сердце бы болело.

Вэй Нин порывисто обнял отца:

— Пап, я тебя обожаю.

Тот шутливо оттолкнул его:

— Меня обожать не надо, я собственность твоей матери.

В дверях возникла Ли Мэйли:

— Значит, отца ты любишь, а меня — нет?

— Люблю! — во весь голос крикнул Вэй Нин. — Вы — самое дорогое, что у меня есть!

Мать, посмеиваясь, закатала рукава:

— Вот это мой мальчик. Не зря я тебя в детстве поколачивала. А ну брысь отсюда, мы с отцом будем готовить ужин для двоих, нечего под ногами мешаться.

— Понял-понял. Как говорится, розга — лучший учитель. Без маминых тумаков и папиного... пригляда я бы таким замечательным не вырос!

Выпалив это, он бросился наутек, услышав вслед возмущенный возглас матери:

— Вэй Нин! Ты как это с родителями разговариваешь?!

Из кухни вылетел огурец и точнехонько угодил Вэй Нину пониже спины.

<http://bllate.org/book/17522/1659189>